

Энн Горсач

Выступление на международной сцене: советские туристы хрущевской эпохи на капиталистическом Западе

В начале 1960-х гг. «Интурист» издал путеводитель для советских туристов, отправлявшихся в круизы по европейским городам — Копенгагену, Лондону, Парижу, Риму и Афинам. Путеводитель, называвшийся «Круизное путешествие вокруг Европы», описывал типично туристическое — Эйфелеву башню и римский Колизей — но подчеркивал и политическое; описание каждого порта, куда заходил круизный лайнер, предварялось анализом политической системы страны, влияния местной коммунистической партии и наиболее важных отраслей промышленности. Как говорилось в путеводителе, главная цель международного туризма для советского туриста — «рассказать о своей Родине, о своем городе, о достижениях своей великой страны — рассказать правду о советском народе и оставить хорошую память о себе» [Круизное путешествие 1961: 3].

Энн Горсач (Anne E. Gorsuch)
Университет Британской
Колумбии, Ванкувер, Канада
gorsuch@interchange.ubc.ca

Это была не единственная функция международного туризма. В другой работе я уже касалась тех целей и того опыта, с которыми был связан туризм в Европу, а именно —

образования, удовольствия и потребления¹. Однако в этой статье я буду исследовать перформативную функцию советского туризма в Западную Европу, что можно было бы обозначить как «театр дипломатии». В духе политики мирного сосуществования, характерной для хрущевской эпохи, туриста отправляли за границу главным образом как посланника, который должен был установить теплые, но вместе с тем не лишённые осторожности отношения между социалистическим Востоком и капиталистическим Западом.

Международный туризм, который впервые стал возможен только в 1955 г.², стал средством продвижения нового, постсталинского, советского я (self). Туристы пели «советские» песни в поездах и автобусах, раздавали тысячи сувенирных значков, палехских шкатулок, открыток, встречались с высокопоставленными лицами и журналистами, отвечали на вопросы и читали лекции. Подобно экспонатам в советском павильоне на брюссельской Всемирной ярмарке в 1959 г., советские туристы, отправлявшиеся в капиталистические страны, представляли перед любопытными зрителям, которые стремились заглянуть за недавно приоткрывшийся железный занавес.

Исследователи описали политическую и перформативную функцию путешествия и особенно возникшие в колониальную эпоху практики «открытия» и «изучения», с помощью которых предьявлялись права на народы и территории (см., напр.: [Ghosh 2005: IX]). Грег Денинг описывает миссионерские и этнографические контакты между европейцами и населением островов Тихого океана, происходившие в конце XVIII столетия, как своеобразный театр, в котором «правительство, закон, собственность и огонь, цивилизация, Бог были представлены <...> в жёстком, стилизованном действии, при поддержке флагов и оружия» [Denning 1994: 455].

Меньше писали о туризме и туристическом спектакле XIX и XX вв., при этом основное внимание уделялось «спектаклям», которые во время путешествия видит, переживает и по-

---

¹ О Восточной Европе см.: [Gorsuch 2006]. Моя работа о поездках в Западную Европу с целью потребления находится в печати [Gorsuch forthcoming].

² В апреле 1955 г. резолюция Центрального комитета предоставила возможность советским гражданам выезжать за пределы Советского Союза и непосредственным образом знакомиться с зарубежными странами. Согласно резолюции, в то время советские туристы могли выезжать только в социалистические страны, хотя в будущем (неопределённом) им также могло быть разрешено выезжать и в капиталистические страны. В реальной практике уже к июлю того же года Интурист вел переговоры с британским туристическим агентством «Прогрессивные туры», а также с норвежскими и шведскими агентствами о посещении советскими туристами этих стран. Впервые тридцать восемь советских туристов посетили Швецию в сентябре 1955 г. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 70. Л. 110–122; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 113. Л. 32 (1955); Exchange of Tourists 1955: 5]. О туризме в эпоху позднего сталинизма см.: [Gorsuch 2003].

требляет сам турист. Дин Мак-Канелл применил театральную метафору «социальных спектаклей», с помощью которой Ирвин Гофман описывал обслуживающий персонал в приемных и отелях, к анализу того, что он назвал «инсценированной аутентичностью» многих достопримечательностей [MacCannell 1999]. Джейн Десмонд пишет о постановочной демонстрации тел перед туристами, которая варьируется от гавайских танцев до выступления дельфинов в аквапарках «Морской мир» [Desmond 1999]. Роберт Райдел и другие исследователи изучили инсценированные показы всемирных ярмарок и выставок [Rydell 1984; Strain 2003].

Гораздо меньше были исследованы постановочные элементы самого туристского опыта. Джудит Адлер написала о «стилях» того, что она называет «искусством исполнения» путешествия, включая стили средневекового паломничества, «сентиментальных» путешествий конца XVIII в. и аристократического Grand Tour [Adler 1989]. Тим Эденсор исследует «ожидаемые и “уместные”» действия и обязанности, которые, как считается, должны исполнить туристы, включая «вещи, которые *надо* увидеть, фотографии, которые *надо* сделать, сувениры и картины, который *надо* приобрести, *императивы*, предписывающие испытать весь диапазон культур и предметов потребления». «Являя собой жестко регламентированное действие, при котором экскурсоводы и тур-менеджеры действуют как хореографы и режиссеры, многие представления являются повторяющимися, точно определенными по ходу развертывания и четко ограниченными по времени», — заключает Эденсор [Edensor 2000].

Практики путешествия советских туристов были также определены культурно, их восприятие того, что они видят, их поведение было опосредовано путеводителями и описаниями путешествий. Но в отличие от туризма в большинстве других стран, советское исполнение туристического спектакля было не просто опосредовано культурно, оно было мотивировано и определено политическим образом.

Рядовой французский турист, отправляющийся во Флориду, следует по обычному маршруту, включающему лежание на пляже, посещение Диснейленда и приобретение открытки с изображением Ки-Уэста. Однако он не воспринимает это как спектакль (даже если бы мы могли рассматривать это таким образом), и уж тем более французское правительство не инструктирует его, как себя вести. Скорее этот турист считает, что его путешествие во Флориду — это возможность «удрать от всего этого», вести себя иначе, чем обычно, исполнить новую роль [Edensor 2000].

В противоположность этому советский туризм в Западную Европу имел явно театральный характер, а туристы, как ожидалось, должны были всегда «оставаться в образе» (хотя они, конечно, не всегда так поступали). По большей части, важность представления обуславливалась чувством тревоги и ситуацией соревнования двух систем, порожденной холодной войной. Однако особенности функционирования туризма в эту эпоху определялись еще и тем, что советский туризм имел строго целенаправленный характер, тогда как капиталистический туризм был связан исключительно с практиками досуга. Пролетарские туристы 1920-х и 1930-х гг., которые путешествовали внутри страны, играли роль «посланников социализма», хотя при этом они действовали как колонизаторы, отправляющиеся из центра на советскую периферию, туда, где находятся менее культурные другие. Как пишет об этом Даяна Кoenкер, их «побуждали вести культурную работу среди жителей деревень, через которые они проезжали», и они отправлялись в свои путешествия, «вооруженные подарками культурного значения — блокнотами, карандашами, ручками и учебниками на местных языках» [Koenker 2006: 128]. Такое понимание туризма обнаруживает более широкую связь туризма XX в. с миссионерским и цивилизующим путешествием начала Нового времени.

В 1950-х гг. главным получателем советских подарков — значков и матрешек¹ — была Западная Европа. К этой аудитории было трудно подойти с теми удобными иерархиями, которыми определялись отношения колониального центра и периферии. Если после Второй мировой войны Советский Союз был признан мировой державой, то с наиболее тенденциозной точки зрения он представлял собой еще и культурную власть. Туризм был частью того, что Дэвид Коут назвал «культурными олимпийскими играми» холодной войны, соревнованием, в котором участвовали актеры, музыканты, спортсмены и (добавила бы я) туристы [Caute 2003: 3].

Между тем туризм как форма дипломатии эпохи холодной войны отличался от других форм культурного соревнования тем, что требовал, чтобы советскую идентичность после несложного обучения представляли более или менее обычные граждане — в отличие от более привычных в этой роли делегатов, художников и ученых. Преимущество здесь заключалось в том, что туристы должны были выглядеть менее искусственными.

---

¹ Вручение подарков считалось настолько важным, что в 1954 г. Министерство культуры предложило создать специальный фонд, чтобы обеспечить выезжающих (в то время только делегатов) соответствующими подарками [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 70. Л. 69–70 (1954)].

Однако театральность приобретает особенно интенсивный характер тогда, «когда момент представления полон амбивалентности» [Dening 1994], что как раз и было характерно для советских путешественников по Западной Европе.

Необычность ситуации, когда Иван и Ольга осматривают достопримечательности и покупают сувениры, побудила некоторых жителей Западной Европы с энтузиазмом готовиться к приезду новых советских туристов. В 1957 г., когда Италию посетило менее пятисот советских туристов, Ватикан с воодушевлением издал путеводитель на русском языке, ожидая «притока» почти что 5000 туристов, на которых рассчитывали в 1958 г. [Vatican Guide Book 1957: 5]. Туристов принимали с любопытством и даже с некоторым энтузиазмом, но несколько насторожено: такое отношение Поль Рикер назвал герменевтикой подозрения, что подразумевает попытку разглядеть нечто «скрытое за завесой», вскрыть то, что находится за видимым поведением [Ricoeur 1970]. Такие усилия, направленные на то, чтобы проникнуть за завесу, имели особенно напряженный характер в мире, который определялся и разделялся опущенным «занавесом», откуда так неожиданно появились эти туристы.

Трудовой отпуск

Туристы, приезжавшие в Западную Европу, были в отпуске, но это был трудовой отпуск. Власти очень тщательно отбирали тех, кто мог отправиться в путешествие. Группа советских туристов, посетившая Великобританию, включала среди прочих министра финансов Литвы, главного архитектора Еревана, директора киевской школы-интерната № 24, заведующего отделением диагностики больницы № 1 Республики Таджикистан, актера московского Малого театра, преподавателя английского отделения Педагогического института им. Мориса Тореза, председателя колхоза им. Владимира Ильича и бывшую летчицу из женской эскадрильи бомбардировщиков [SCR Archive, “Name list” в “SCR Events 1960s”]. Среди примерно 400 туристов, совершавших месячное путешествие вокруг Европы на круизном судне «Победа» осенью 1961 г., только двое были рабочими. В числе остальных были инженеры, педагоги, медработники, служащие, ученые, писатели, художники и нескольких особо достойных домохозяек [ГАРФ. Ф. 9520. Оп. 1. Д. 420. Л. 6 (1961)]. Если принять в расчет эти элитные профессии, то не удивительно, что тринадцать из восемнадцати туристов были мужчинами — таков гендерный дисбаланс, отличавший эти путешествия от туризма в Восточную Европу, куда

женщины ездили чаще [SCR Archive, “Name list” в “SCR Events 1960s”]¹.

Группы, состоявшие из профессиональной элиты, обеспечивали, говоря словами одного из руководителей группы, «возможность проводить <...> дискуссии на любые темы» [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 159. Л. 31 (1962)]. То, что туристы 1950-х и 1960-х гг. должны были быть в состоянии вести дискуссии с образованными иностранными элитами, отличало их от (очень редких) международных туристов 1930-х гг. В 1930–1931 гг. две группы элиты рабочего класса имели возможность поехать в Европу на круизных судах «Абхазия» и «Украина» [Квартальнов 1987: 25; Koenker 2006: 131]. Они встречались с европейскими рабочими на фабриках и других промышленных объектах в тот период, когда Советский Союз вызывал наибольшее восхищение своими промышленными успехами и отсутствием безработицы.

В противоположность этому международные туристы 1950-х и 1960-х гг. должны были «рекламировать» Советский Союз перед любопытной, часто хорошо образованной, но иногда враждебной аудиторией. Эта был коллективный спектакль, разыгрываемый в разных жанрах: туристы-педагоги, художники, ученые и представители различных советских национальных республик объединялись в ансамбль, предназначенный для демонстрации и инсценирования новой интернациональной, постсталинистской советской идентичности. Особенно ценными были специализированные туристские группы, чьи познания в промышленности, сельском хозяйстве или искусстве могли бы в наибольшей степени повлиять на мнение европейцев о советских достижениях. Когда историк искусства Михаил Герман подал заявление, чтобы попасть в состав группы, отправлявшейся во Францию, он надеялся, что его возьмут как молодого специалиста по французскому искусству [Герман 2000: 414–415].

Более доступные поездки санкционировались для туристских групп, путешествовавших под эгидой Всесоюзного общества дружбы с зарубежными странами. Евгения Гутнова была историком Великобритании, но ее первая успешная попытка выехать за границу стала возможной именно в качестве члена

¹ Аналогичным образом в списке людей, путешествовавших по линии «Спутника» в капиталистические страны в 1960 г., было 772 мужчины и 590 женщин. Состав путешественников на круизном судне иногда варьировался. Например, в одной поездке в 1961 г. 59 % пассажиров были женщины и 41 % мужчины [ГАРФ. Ф. 9520. Оп. 1. Д. 420. Л. 5–6 (1961)]. Исключением была поездка в Финляндию, которая, хотя и являлась «капиталистической» страной, считалась в то время более дружественной и, возможно, политически менее значимой. В поездках по линии «Спутника» группы, ездившие в Финляндию, имели самый высокий процент представителей рабочей молодежи и женщин [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 52. Л. 9 (1960)].

Общества дружбы СССР — Великобритании [Гутнова 2001: 315]. Особенно желательным, как свидетельствует состав вышеописанной группы, посетившей Великобританию, было этническое и национальное разнообразие.

Самые первые группы, посланные за границу в середине 1950-х гг., были из Ленинграда и Москвы, но в скором времени туристы стали сознательно отбираться так, чтобы национальное разнообразие стало частью спектакля [ГАРФ. Ф. 9612. Оп. 1. Д. 373. Л. 1 (1956); РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 174. Л. 33 (1964)]¹. В группе, посетившей Великобританию, семь туристов были из Москвы, пять из Прибалтийских республик, остальные с Украины, Кавказа и из Средней Азии [SCR Archive, “Name List”, в “SCR Events 1960s”].

Для того чтобы получить разрешение выехать в страны Западной Европы, надо было иметь образцовые рекомендации, безупречно чистое прошлое, политические связи и (как правило) предшествующие поездки без каких-либо инцидентов в Восточную Европу. Желаящие поехать в капиталистические страны должны были заполнить пятистраничную анкету, включавшую вопросы о семье, прежних и нынешних местах работы, случаях нарушения советского законодательства, членах семьи, проживающих за границей, членах семьи, интернированных за границу во время войны [ГАРФ. Ф. 9612. Оп. 1. Д. 387. Л. 34, 37–9 (1957). См. также: ГАРФ. Ф. 9520. Оп. 1. Д. 391. Л. 104–105 (1961)]. Характеристики потенциальным путешественникам давали начальники на работе, руководство партийных и комсомольских организаций: хорошие связи и дружеские отношения с вышестоящими лицами были в этом случае весьма существенны [РГАСПИ Ф. м-5. Оп. 1. Д. 168. Л. 1–3 (1963); Герман 2000: 415].

Наконец, желающим выехать за границу была нужна справка о здоровье, получение которой также требовало от них использования необходимых связей. «Медицинскую справку достал по блату. Даже здоровым их выдавали столь же неохотно», — вспоминал Михаила Герман. «Можно было быть годным к военной службе, <...> но не годным к заграничной поездке» [Герман 2000: 415]. Весь этот процесс заставлял кандидатов очень нервничать. Герман с досадой вспоминал об этом: «Некий молчаливый человек с отчеством “Иванович” (все они — Ивановичи), очень сытый, улыбочивый, непроницаемо-гладкий, дал мне невиданные, напечатанные на мелованной бумаге анкеты. Стало холодно. Таких анкет сроду я не заполнял. Несмотря на

¹ Также см. список туристических стран, составленный с учетом того, сколько туристов отправилось в каждую из них и из какого региона [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 52. Л. 4–7 (1960)].

то что Сталин давно умер, писать о репрессированных родственниках было очень страшно, прежде всего потому, что раньше удавалось о них не писать» [Герман 2000: 415]¹.

Отказ в разрешении, задержка выдачи документов — все это было настолько обычным делом, что люди, подававшие заявление на участие в заграничной поездке, иногда до самого дня отъезда не говорили даже самым близким друзьям и родственникам о своих планах [Гутнова 2001: 324].

Привилегия поехать в Западную Европу, которой наделялись представители элиты, во многих отношениях напоминала бросавшееся в глаза неравенство и особый доступ к товарам и услугам в 1930-е гг., когда только элита, будь то ударники или высокопоставленные партийные начальники, регулярно снабжалась хорошими товаром и одеждой, тогда как другие жили впроголодь [Gronow 2003: 36]. Аналогичная ситуация возникла после войны, когда имело место то, что Вера Данэм назвала «большой сделкой», т.е. соглашение, по которому группа, лояльная режиму и стремящаяся к стабилизации, была вознаграждена «материальными стимулами», важным компонентом которых был досуг [Dunham 1976: 5, 17].

Особые права и привилегии продолжали существовать и в хрущевскую эпоху, о чем свидетельствует реакция группы крайне разочарованных туристов, обратившихся с жалобой в Президиум ЦК КПСС, после того как маршрут их круиза уже в пути был изменен и вместо Стокгольма и Копенгагена группа была направлена в Хельсинки и Турку [ГАРФ. Ф. 9520. Оп. 1. Д. 420. Л. 17–18 (1961)].

Путешествие в Западную Европу также требовало необходимых средств; историк Евгения Гутнова жаловалась в своих воспоминаниях на огромную стоимость поездок за границу [Гутнова 2001: 315]. (Тем не менее проблема не была столь серьезной, как можно было бы ожидать. Если четырнадцатидневный маршрут, включавший Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго, Дирборн и Ниагарский водопад, стоил более 6000 рублей [Справочник 1960: 28, 156], то поездки в Западную Европу стоили порой не намного больше, чем поездка в Восточную Европу. Экскурсионная поездка по Швеции в 1956 г. стоила 2390 рублей, что составляло примерно столько же, сколько поездка в ГДР, и меньше, чем стоимость поездки в Польшу годом рань-

---

¹ Точно такое же ощущение было в 1980 г. у Александра Александровича Константинова: «Нас всех вызвали в Центральный комитет КПСС. Меня тоже вызвали. Там был инструктор Центрального комитета по фамилии Чеботарев. Я хорошо это помню. Я помню длинные коридоры, ковры, зеленые стены и четкие черные буквы, которыми были написаны их фамилии. И я помню этого человека, Чеботарева, и то, как он смотрел на меня» [Raleigh 2006: 45].

ше [ГАРФ. Ф. 9520. Оп. 1. Д. 316. Л. 45 (1956); РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 113. Л. 48 (1955)]¹.)

Однако если социальные различия, основанные на статусе и достатке, продолжали существовать и после смерти Сталина, то и здесь были свои нюансы. Сосредоточиться только на элитарных аспектах этих путешествий — значит упустить из виду, насколько поездка в качестве туриста на капиталистический Запад была важной для *любого* человека. В своих мемуарах Герман, которого самого можно считать членом культурной элиты, подробно и с нескрываемым удивлением описывает начавшиеся в 1956 г. поездки известных ему людей в Европу. «Только партийные, проверенные, и то по благу. Но ездили» [Герман 2000: 283]. И они возвращались, вызывая огромное восхищение и зависть. Когда Герману сообщили, что ему разрешили поехать в Париж, он был поражен: «Казалось, больше ничего не нужно мне в этом мире!» [Герман 2000: 426].

Туризм как театр

Туризм стал одним из направлений, по которым велось культурное наступление Советского Союза на Западную Европу. В конце 1950-х гг. на Западную Европу транслировалось больше радиопередач (на немецком, итальянском, французском, английском, испанском, шведском и финском языках), чем на любую другую часть несоциалистического мира². Советские информационные и культурные журналы — иллюстрированный журнал «Культура и жизнь», информационный журнал «Международная жизнь», а также «Советская литература», «Советский экран», «Советская молодежь» и «Советская женщина» — были предназначены для того, чтобы знакомить европейцев (и других) с советскими достижениями.

Советский павильон на Всемирной Брюссельской ярмарке 1958 г. представлял собой еще одну попытку продвижения

¹ Об Интуристе как коммерческом предприятии см. в: [Salmon 2006: 190–192; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 113. Л. 66 (1955); Д. 225. Л. 53 (1957)].

² Всего было 287 часов радиотрансляций в неделю в 1957 г. в Европе в отличие от 193 часов на Ближнем Востоке, Южной Азии и Африке, 126 часов в Северной Америке и 35 часов в Латинской Америке [NARA. RG 306. BOX 15. S-10-58, 9 (“Soviet Propaganda and World Public Opinion since the Twentieth Party Congress”, Confidential report, USIA Office of Research and Intelligence)]. Радиопередачи касались вполне ожидаемых вещей: в 1957 г. почти половина из них была посвящена жизни, культуре и экономике Советского Союза («мощь и развитие СССР»), а четверть — отношениям Запада и Востока или холодной войне (политика мирного сосуществования, разоружение, Ближний Восток). Остальные затрагивали широкий спектр общих тем [NARA. RG 306. Box 1. R-7-60, 29 “Communist Propaganda Activities in western Europe during 1959: A Brief Survey”, USIA Office of Research and Intelligence); NARA. RG 306. Box 15. S-10-58, 8, 9, 10 (“Soviet Propaganda and World Public Opinion since the Twentieth Party Congress”, Confidential report, USIA Office of Research and Intelligence)].

СССР как современного, промышленно развитого многонационального и обладающего идеологическим превосходством государства. Два этажа этого павильона площадью 269 000 кв. футов выдвигали на первый план достижения промышленности, тяжелого машиностроения и науки, демонстрируя последние советские машины, работающие модели нефтяных буровых установок и угольных шахт, экспонаты, связанные с исследованием космоса [NARA. RG 43. BOX 5. BEG 401 (“Pavilion of the USSR”); NARA. RG 43. BOX 5. BEG 401 (“Incoming telegram from Brussels, Department of State”); NARA. RG 43. BOX 5. BEG 401, 12 (“Communist Propaganda and the Brussels Fair”); NARA. RG 43. BOX 5. BEG 401 “Performing Arts Program USSR in Belgium”]. Такое внимание к индустриализации заметным образом контрастировало с американским павильоном, где акцент ставился на удовольствиях повседневной жизни и обеспечении товарами потребления (включая шапочки с пропеллерами и каталоги заказа товаров по почте)¹.

В отличие от радиопрограмм, журналов и Брюссельской ярмарки, туристы представляли человеческое лицо советского социализма. Однако, как и во всех остальных случаях, их спектакль имел строго прописанный сценарий. Как и на Брюссельской всемирной ярмарке, некоторые из «достижений», о которых они говорили, были промышленными: туристы-инженеры посещали европейские фабрики и рассказывали о советских фабриках. Другие достижения были культурными. Туристы в буквальном смысле выступали от имени советского социализма: они играли на фортепьяно, исполняли оперы, читали стихи, танцевали.

Гарольд Шукман, работавший в 1950-х гг. британским экскурсоводом и переводчиком советских туристических групп, вспоминал о том, как он в последнюю минуту распределял туристов, которые по прибытии в Великобританию пожелали выступить перед английской аудиторией. Одна из его групп включала певицу, которая была лауреатом сталинской премии, балетную пару из Большого театра и профессионального пианиста. Как вспоминает Шукман, у группы была заранее составленная программа, призванная продемонстрировать способности советских людей [Интервью с Гарольдом Шукманом, Оксфорд, июнь 2003 г.]. Не каждая группа была так талантлива. «Мы пели наши песни, исполняли танцы. Хорошо, если в группе будут участники художественной самодеятельности или профессиональные артисты» [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 197. Л. 36–37 (1964)].

¹ Также см.: [Postcards, U.S.S.R. Pavilion, Larry Zim World's Fair Collection, The Dibner Library of the History of Science and Technology, Smithsonian Institution Libraries, Box 48, Box 80].

Туристы также выступали от имени Советского Союза, когда они читали лекции, встречались с высокопоставленными политическими деятелями, педагогами и юристами. Дарья Смирнова, член Президиума Верховного Совета СССР и ткачиха на текстильной фабрике «Трехгорная мануфактура» в Москве, представляла собой вполне типичный случай. Она побывала в гостях у генерал-майора Димолина, секретаря Межпарламентского союза, и говорила со студентами в Колледже Холлберн [SCR Archive, SCR General Report, 1964: 8–9].

Встречи, проходившие в форме вопросов и ответов, были распространенным способом взаимодействия. Туристы говорили аудитории, что Советский Союз является миролюбивой, быстро развивающейся страной, глубоко заинтересованной в улучшении жизни обычных людей и рабочих. Советские студенты рассказывали западным сверстникам о системе образования в Советском Союзе, работе после окончания университета или института, зарплате различных категорий рабочих и служащих, медицинском обслуживании и возможностях отдыха и проведения отпуска, свершениях советских молодых людей в Сибири и на Дальнем Востоке [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 197. Л. 32 (1964)]. Участвуя в игре идеологических разделений и завоеваний, туристы проводили различие между дружественной Западной Европой и Соединенными Штатами, упорствующими в своем неприятии СССР. Утверждалось, что советская политика мирного сосуществования будет проводиться, «несмотря на непрекращающиеся агрессивные действия американской военщины против Советского Союза» [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 94. Л. 8 (1960)].

Туристы должны были готовиться к этим идеологическим демонстрациям так, как готовятся к игре или музыкальному концерту. Советские путеводители были одной из форм подготовки. Путеводители учили путешественников, как быть туристами, какие музеи посещать и какие достопримечательности осматривать, инструктировали, как надлежащим образом понимать и оценивать то, что они видят и чувствуют. Семинары, предшествовавшие поездкам, обеспечивали туристов еще более очевидным сценарием. В отличие от людей, путешествующих по Восточной Европе, которые, как правило, встречались со своим экскурсоводом и местными инструкторами для короткой беседы перед отъездом, туристы, выезжавшие в капиталистические страны, прежде чем отправиться на Запад, обычно собирались для двух- или четырехдневного обучения в Москве [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 52. Л. 22 (1959); РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 95. Л. 97 (1962); ГАРФ. Ф. 9520. Оп. 1. Д. 420. Л. 11 (1961)]. Студенты, ездившие в Австрию в 1960 г., посещали перед поездкой семинар, где они знакомились с австрийской

историей, экономикой, литературой и музыкой. Помимо этого студентам рассказывали о советской политике и истории, а также возили на выставку, посвященную советской экономике [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1 Д. 55. Л. 12 (1960)].

Инструктирование продолжалось и тогда, когда туристы прибывали в зарубежную страну, где их встречал советский посол или представитель консульства, отвозивший их в посольство, чтобы зарегистрировать паспорта и снабдить дополнительными сведениями о стране, которую они посещают, а также рекомендациями по поводу надлежащих норм поведения [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 94. Л. 4 (1960); ГАРФ. Ф. 9612. Оп. 1. Д. 373. Л. 1, 6 (1956); ГАРФ. Ф. 9520. Оп. 1. Д. 423. Л. 13 (1961)]. Все это должно было гарантировать, что, даже оказавшись под воздействием европейской культуры и красоты, туристы будут обладать иммунитетом против идеологических влияний и нездорового энтузиазма.

Все это было попыткой стандартизировать дискурс и поведение советских туристов за границей. Если туристский опыт оставался все еще тревожно непредсказуемым, это не должно было относиться к высказываниям и поступкам советских граждан за границей. Большая часть риторики напоминала прежние советские дискурсы о самости (кроме дискуссий о мирном сосуществовании), но культивирования «советского» было недостаточно, чтобы обеспечить соответствующий перформанс. Необходимость туристского сценария заставляет вспомнить аргумент А. Юрчака о все более и более фиксированном и идеологически клишированном авторитарном языке позднего социализма.

Согласно Юрчаку, появившееся в 1960-е гг. «перформативное измерение» советского дискурса с его «воспроизводством конвенциональных и ритуализированных форм» стало даже более важным, чем «значения, которые могли быть связаны с этими формами». «До тех пор пока воспроизводились точные формы языка, правильность передаваемых значений была гарантирована» [Yurchak 2006: 50–53]. В книге «Все было навечно, пока не кончилось. Последнее советское поколение» Юрчак описывает процессы, посредством которых «нормализованные и фиксированные структуры» авторитетного дискурса воспроизводились в документах Центрального комитета, фильмах, школьных учебных программах и памятниках [Yurchak 2006: 26].

Инструктирование туристов, направлявшихся в Западную Европу, способствовало тому же самому. Советские власти были не одиноки в этой попытке, даже если они были менее гибкими и более авторитарными. К началу 1960-х гг. американское

правительство также активно побуждало своих граждан ездить в Советский Союз, а кроме того, хоть и не столь принудительным образом, пыталось влиять на высказывания американских граждан о Соединенных Штатах во время их пребывания за границей. «Вам предстоит получить наиболее ценный опыт в вашей жизни — непосредственное общение с советскими людьми», — говорилось в документе, подготовленном в Информационном агентстве Соединенных Штатов для американских туристов, отправлявшихся в Советский Союз. «Еще более ценным будет, если по возвращении вы почувствуете, что убедительно представили реалистической образ Америки и способствовали, насколько это может сделать частное лицо, длительному миру между нашими двумя странами» [NARA. RG 43. BOX 19. S-23-60 (“Communicating with the Soviet People: Suggestions for American Tourists and Students”)].

«Товарищеские и правильные»

Советские туристы, приезжавшие в Западную Европу, сталкивались с подозрительным отношением не только принимающей стороны, но и советских руководителей, которые старались убедиться в том, что туристы будут оставаться лояльными и правильно вести себя. Путешественники находились под пристальным наблюдением, за их поведением следили руководители группы, которые были тщательно отобранными комсомольцами, профсоюзными лидерами и партийными активистами. Руководители группы сообщали властям о том, как принимали туристов, каким людям и организациям можно или нельзя доверять, о том, что жители Западной Европы знают или не знают о Советском Союзе, а также о поведении своих подопечных. Их свидетельства изучались руководством Интуриста, Туристско-экскурсионного управления ВЦСПС, комсомольских и партийных организаций, включая отделы культуры Центрального комитета и Министерства иностранных дел.

Если отчеты о путешествиях в Восточную Европу часто содержали жалобы на поведение, то отчеты о путешествиях в Западную Европу обычно представляли поведение советских путешественников в самом выгодном свете. Как сообщалось, каждый член группы, ездившей в Англию в 1960 г., «понимал цель поездки, вступал в разговор и спор при встречах, правильно объяснял наши позиции» [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 56. Л. 7 (1960); ГАРФ. Ф. 9520. Оп. 1. Д. 420. Л. 11 (1961)]. Сообщалось, что поведение участников молодежной поездки по линии «Спутника» в Италию было хорошим, а отношения между туристами и их руководителями — товарищескими и правильными.

ми [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 95. Л. 1 (1964)]. В какой-то мере это отражает перформативные аспекты отчетов о поездке; руководители групп по понятным причинам старались представить свои поездки удачными, а поведение своих подопечных хорошим (о чем подробнее говорилось выше). Но это дает серьезные основания полагать, что большинство туристов в Западной Европе вело себя ожидаемым образом.

Некоторые испытывали тревогу, отправляясь в те места, которые так долго представлялись таящими опасности. Эти страхи подогревались советскими властями, которые, вероятно, сами испытывали неуверенность или могли считать, что такое предостережение будет способствовать ослаблению личной активности туристов. Путешественников предупреждали, что западные службы безопасности будут наблюдать за каждым их шагом [Гутнова 2001: 315]. Их предостерегали от того, чтобы ходить по городу самостоятельно, особенно в магазины и по ночам, и давать свой домашний адрес кому бы то ни было [Гутнова 2001: 316]. «Такие неопытные люди как я, никогда не бывавшие за границей, принимали все за чистую монету и не без страха пускались в путь», — вспоминала Евгения Гутнова [Гутнова 2001: 316].

Конечно, многие искренне верили в социализм, и «роль», которую их просили исполнять, не только была знакома, но и соответствовала их собственным убеждениям и пониманию себя. Юрчак призывает нас всерьез относиться к тому, что для «большого количества» советских граждан 1960-х и 1970-х гг. «многие фундаментальные ценности, идеалы и реальности социалистической жизни (такие как равенство, общность, самоотверженность, альтруизм, дружба, нравственные отношения, безопасность, образование, работа, творчество и забота о будущем) имели подлинное значение, несмотря на то что множество повседневных практик обычно нарушали, перетолковывали или отвергали определенные нормы и правила» [Yurchak 2006: 8].

В особенности, как кажется, это касалось путешественника на капиталистический Запад, прошедшего тщательный отбор. Будучи членом элиты, он пользовался всевозможными выгодами советской системы. Даже ощутив материальные различия между социалистическим востоком и капиталистическим Западом, эти путешественники не обязательно приходили к выводу о том, что капиталистическая политическая система лучше. К тому же, независимо от того, во что они верили в частной жизни и дома, находясь за границей, они нередко чувствовали, что должны представлять СССР положительным образом.

«Национальная гордость перед иностранцами — это чрезвычайно сильная эмоция, — писал журналист Хедрик Смит о советских гражданах в начале 1970-х гг. — Редактор журнала сказал мне, что я заблуждаюсь, если думаю, что чиновники должны непременно обучать русских тому, что надо говорить иностранцам. Даже без всякого принуждения, сказал он, обычные люди приукрашивают свой уровень жизни перед западными людьми, которые посещают их дома и фабрики. “Это естественно”, — сказал он — “Люди чувствуют: мы — русские, мы должны хорошо выглядеть перед иностранцами”» [Smith 1976: 412–413].

Тревога, спровоцированная участием в спектакле, только возрастала, когда советские граждане ехали за границу. Гутнова вспоминает, что была готова защищать Советский Союз, чтобы не допустить пренебрежительного отношения или чувства неловкости. Гордясь Родиной и в то же время сознавая значение культурного наследия Западной Европы, Гутнова волновалась, что она и ее спутники, советские туристы, будут напоминать тех путешественников, которых высмеивал Николай Лейкин в своем сатирическом романе, написанном на рубеже веков [Гутнова 2001: 316]. Лейкин издевался над русскими путешественниками по Европе, «которым было неудобно в модной, но не подходившей им одежде, которым подавали блюда, отбивавшие у них аппетит, которые без запинки говорили только слова “номер гостиницы” и “ликер” и постоянно попадали впросак из-за межкультурных различий» [McReynolds 2006: 17].

Туристы вели себя надлежащим образом еще и потому, что находились под настоящим надзором. В отличие от туризма внутри страны, цель которого состояла в том, чтобы произвести самостоятельно действующего и автономного субъекта, международный туризм подчеркивал значимость дисциплины, а не самостоятельности. Путешественники находились под пристальным наблюдением руководителей групп (и КГБ), помогавших укреплять правильное поведение, а отчеты руководителей определяли, разрешат ли туристам вновь поехать за границу [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 197. Л. 35 (1964)].

Месяц на Черном море, вдали от привычных тесных рамок коммунальной квартиры, давал туристу возможность вести себя как «частному лицу» и заводить связи, которые были невозможны и недопустимы дома [Rotkirch 1999]. Туристы, выезжавшие за рубеж, особенно те, которые посещали капиталистические страны, оказывались под более пристальным наблюдением, чем дома. Наибольшей похвалы заслуживали те туристы, которые, говоря словами одного радужного отчета

о поездке, «согласовывали каждый шаг с руководителями групп» [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 94. Л. 10 (1960)]. Когда один радиоинженер, поехавший в Англию в 1956 г., попросил о встрече с английским рабочим из той же отрасли, советское посольство дало согласие, однако настаивало на том, чтобы его сопровождал староста группы. Радиоинженер воспротивился этому требованию и согласился лишь после того, как ему ясно дали понять, что у него нет выбора. Его не рекомендовали для дальнейших поездок за границу [ГАРФ. Ф. 9612. Оп. 1. Д. 373. Л. 13 (1956)].

Некоторых туристов этот надзор не слишком беспокоил. В недавнем интервью Наталья П., которая впервые отправилась в путешествие в 1972 г., вспоминала, что не волновалась из-за того, что кто-то будет доносить о ее поведении: «Вы знаете, по некоторым причинам я почему-то особенно не задумывалась об этом. Я была такой дисциплинированной, что...» [Raleigh 2006: 111]. Другие реагировали иначе. Ученый, еврей по национальности, вспоминал, как, путешествуя на Запад, он солгал американской коллеге, когда его спросили, есть ли дискриминация евреев в академических структурах СССР. Он «боялся что, если он скажет ей правду, его слова так или иначе дойдут до Москвы и ему запретят снова выезжать за границу». Он рассказал свою историю Хедрику Смитту, когда уже решил эмигрировать в Израиль [Smith 1976: 19].

Независимо от того происходило ли это из-за внутренней или внешней дисциплины, большинство туристов говорили то, что от них ждали. Однако не все. Я не нашла свидетельств о туристах, оставшихся на Западе в 1950-х или в начале 1960-х гг., в тех архивных материалах, к которым у меня был доступ, и никаких документов, где власти высказывали бы свое беспокойство по этому поводу¹, и все же советские туристы действительно иногда говорили и вели себя таким образом, который подрывал идеальный спектакль «советскости». В отличие от путешествий в Восточную Европу, где, как я уже отмечала в другой работе, власти особенно беспокоились по поводу манер и одежды, для поездок на Запад наиболее важным вопросом оставалась политическая подготовка². Невнятные ответы на политические вопросы побуждали руководителей групп

¹ Конечно, среди выезжавших за границу были и те, кто оставались там навсегда; наиболее ярким примером является Рудольф Нуриев [Caute 2003: ch. 17].

² Это не значит, что на одежду вообще не обращали внимания. Как правило, наибольшее внимание (и указания на это можно найти даже здесь) привлекали поездки во Францию, где соревнование в области культуры и моды могло пониматься как своего рода политика. Так, руководитель группы, ездившей во Францию, жаловался на своих подопечных комсомольского возраста, что при их отборе слишком мало внимания уделяется их внешности и одежде [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 174. Л. 32 (1964)].

добиваться того, чтобы перед поездкой происходило более серьезное и глубокое обсуждение ключевых проблем советской внутренней политики — немецкого вопроса, вопросов о ядерном оружии, международном молодежном движении, современной литературе и искусстве (см., напр.: [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 67 (1962); РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 197. Л. 22 (1964)]).

Тщательная подготовка, возможно, могла помочь предотвратить такие неосторожные высказывания, как то, которое позволил себе один работник радио. В ответ на вопрос английского журналиста, поинтересовавшегося, когда же Советский Союз окончательно придет к коммунизму, он ответил, что это будет приблизительно через 20 лет [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 159. Л. 34 (1962)]. Представлял собой проблему и тот турист, который, отвечая на вопрос о нынешнем состоянии обучения иностранным языкам в Советском Союзе, сказал, что английский язык в СССР знает меньшее число людей, чем существует англичан, знающих русский, поскольку система преподавания языков в советских университетах очень плохая [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 197. Л. 36 (1964)]. Более серьезным являлся эпизод с женщиной, которая во время поездки в Австрию рассказывала о чистках австрийцам, сидевшим рядом с ней в ресторане, а также случай со студентом, который в ходе поездки в Нидерланды публично поделился информацией о вузовском и университетском уровне обучения военному делу в Советском Союзе [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 50 (1961); ГАРФ. Ф. 9520. Оп. 1. Д. 423. Л. 33 (1962)].

Подобная неадекватность поведения подчас скорее приводила в замешательство, чем несла угрозу. Во время одной живой дискуссии (в Австрии) по поводу представления нацистов о немцах как высшей расе один товарищ выпалил: «Вот чудачки, почитали бы наши книги, ведь ясно, что высшей расой всегда были мы, русские!» [ГАРФ. Ф. 9520. Оп. 1. Д. 423. Л. 12 (1961)].

Об авторе этого неосторожного высказывания сообщалось, что он был «неплохой товарищ», хотя недостаточно подготовлен. О других сообщалось, что они были пьяны, политически плохо подготовлены или вели себя слишком свободно и легкомысленно. Предполагаемые причины плохого поведения этих людей уже знакомы: опьянение, молодость и недостаточность политической подготовки.

Особенно часто предметом обсуждения становился возраст. «Опыт показал», что молодые люди в возрасте 18 и 20 лет еще не имеют достаточного «жизненного опыта» — жаловался один из делегатов московской конференции по международному

туризму. Они «иногда неправильно оценивают зарубежную жизнь» [ГАРФ. Ф. 9520. Оп. 1. Д. 438. Л. 185 (1961)]. Комсомольские группы могли быть более пестрыми, чем группы взрослых туристов; они только обучались своим профессиям, в отличие от взрослых, занимавших видное положение в своей сфере. Больше двух третей людей, выезжавших с комсомолом в капиталистические страны в 1960 г., были моложе 30 лет [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 56. Л. 7 (1960)]. Но и в этом случае всеобщее стремление поехать в Европу и тревога со стороны властей по поводу неосторожных высказываний молодежи вели к тому, что места, теоретически зарезервированные для студентов, подчас занимали бюрократы средних лет и успешные профессионалы [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 56. Л. 7 (1960)].

Иногда, хотя и реже, причиной сбоя могла стать национальность. Руководитель женской группы молодых туристов, посетивших Францию, жаловался на «малокультурных» людей в его группе из национальных республик и подверг сомнению то, насколько целесообразно было отбирать туристов по национальному признаку [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 174. Л. 33 (1964)]. Очевидно, успешный спектакль зависел от обучения, дисциплины и мастерства «актеров», т.е. всего того, чем, как предполагалось, обладали старшие, более опытные и (в некоторых случаях) русские туристы.

«Им аплодирует мир»

Роли исполняли не только туристы, но и руководители групп. Своими отчетами, написанными в соответствии с их пониманием ожиданий аудитории, они играли пьесу в пьесе, исполняемую для домашней аудитории. В свидетельствах о поездке в первую очередь подчеркивалось политическое и перформативное, во вторую — описывалось образовательное и культурное и обычно мало говорилось о досуге или свободном времени, за исключением тех случаев, когда он совмещался с более важными целями [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 197. Л. 22 (1964); Д. 56. Л. 7; ГАРФ. Ф. 9612. Оп. 1. Д. 373. Л. 32 (1956)]. Серьезный и научный тон этих отчетов мало напоминал интимный, часто иронический голос тех, кто пишет о путешествии в XXI в. (и даже, что еще более примечательно, порой романтически туристический тон советских отчетов о поездках в Восточную Европу, в которых обсуждаются пейзажи и архитектура). В противоположность этому отчеты о поездках в капиталистические страны напоминают описания европейских ученых-путешественников начала XVIII в., которые, как отмечал Орвар Лефгрэн, путешествовали «с практической целью, по торговым

делам или ради изучения страны <...> чтобы получить сведения о местной экономике и обществе» [Löfgren 2002: 18].

Отчеты, как правило (если не всегда), были фактическими и в большинстве случаев имели безличный характер, идет ли речь о чувствах руководителя группы или личных переживаниях туристов. В 1964 г., резюмируя итоги поездки во Францию, руководитель группы только в одном предложении отмечал, что в течение семидневного пребывания в Каннах у туристов было свободное время, но ничего не говорил о том, что они делали. Большая часть отчета была посвящена встречам с молодыми коммунистами, организованным советским посольством [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 174. Л. 64 (1964)].

Специфически советские условия, определявшие отношения между автором и читателем, влияли на перформативную природу этих отчетов. Если руководители групп сами наблюдали за туристами и изучали страны, в которые ездили, то и они, в свою очередь, находились под наблюдением. Свидетельства руководителей групп за границей напоминали отчеты советских экскурсоводов по поводу иностранцев, посещавших Советский Союз, которые, как показал Майкл Дэвид-Фокс в отношении 1920-х и 1930-х гг., должны были сообщать подробности разговоров и «ответов на политически деликатные вопросы» в качестве «политической страховки» [David-Fox 2003b: 313]. Аналогичным образом для отчетов в 1950-е гг. было вполне обычным описывать в деталях не только вопросы, которые местные студенты задавали советским студентам, но и каждый политически правильный ответ (см. напр.: [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 174. Л. 103–107 (1964)]).

Путешествуя как в дружественную социалистическую страну, так и в капиталистические страны, руководители групп знали, что любая вероятность будущих поездок, а также возможность дальнейшего продвижения по службе на родине зависели как от их собственного поведения, так и от поведения их подопечных за границей. Никто, включая руководителя группы, не мог считать себя неуязвимым, что определялось множеством уровней надзора за международными поездками. Некоторые группы ехали в сопровождении руководителя местного профсоюза, который по своему положению был равен руководителю группы и по возвращении в свою очередь информировал профсоюз о поведении туристов (см., напр.: [ГАРФ. Ф. 9520. Оп. 1. Д. 468. Л. 22 (1962)]). Агенты КГБ также ездили за границу с некоторыми группами с целью наблюдения — факт хорошо известный, о чем свидетельствует использование разговорного слова *нянька*, обозначающего подобного человека [Corten 1992: 90–91].

Из этого, однако, не следует, что отчеты о поездках на капиталистический Запад были негативными или что руководители групп не испытывали восторга от путешествий за границу. Напротив, западно-европейские государства часто изображались как интересные и привлекательные страны, у которых Советскому Союзу есть чему поучиться. Отчеты о поездках содержали информацию о навыках, поведении и технологиях, которые могли быть полезными для Советского Союза, особенно в том, что касается сферы технологии, потребления и услуг. В отчетах благосклонно упоминалось о европейском сервисе и чистоте, например о водителе автобуса, который носит опрятную и чистую униформу, и о гостинице, в которой горячая вода доступна круглые сутки. Похвалы достаивались номера шотландской гостиницы, снабженные индивидуальными «устройствами», позволявшими связаться с рестораном и вызвать горничную [ГАРФ. Ф. 9612. Оп. 1. Д. 373. Л. 4, 27 (1956)].

Восхищение авторов отчетов технологически продвинутым и ориентированным на потребителя Западом напоминает советские похвалы тэйлоризму 1920-х гг., немецким витринам и самообслуживанию в таких больших американских магазинах, как Мэйсис в 1930-е гг. [Gronow 2003: 74–78]. Это также совпадало с нескрываемым восхищением, почти что завистью, которую вызывали у Хрущева капиталистические технологии. «Парижский аэродром [Orly] очень хорошо оборудован, — вспоминал Хрущев о своем визите во Францию в 1960 г., — с отличной бетонной дорожкой. Нужно отдать должное Западу, он умеет укладывать бетон лучше, чем мы. Там не встретишь ни сучка ни задоринки <...> У нас, к сожалению, не так <...> разница сразу бросалась в глаза, а сравнения, к сожалению, были не в нашу пользу» [Хрущев 1999: 387].

Восхищенные отчеты о поездках уравнивались отчетами успокаивающими. По большей части заверения, зафиксированные в отчетах руководителей группы, обладали миметическим характером: авторитетный язык позднего социализма исходил от властей к туристам и руководителям групп и затем возвращался к властям в форме отчета о поездке. Особенно полезным для этой цели был тот энтузиазм, который, как сообщалось, жители Западной Европы демонстрировали по отношению к советским туристам. Вместо того чтобы описывать удовольствие, которое доставило посещение Италии или Франции, отчеты нередко акцентировали внимание на удовольствии от тех позитивных вещей, которые говорились о Советском Союзе.

Отчасти эта риторика была риторикой мирного сосуществования. Однако она использовалась в том числе для того, чтобы

противостоять давнишним тревогам, связанным с ощущением неполноценности, которое Россия испытывала перед «Западом». В этом отношении частные отчеты о поездках, писавшиеся для властей на родине, напоминали язык травелогов, публиковавшихся в советской прессе [Balina 2003: 10, 12]¹. В статье 1958 г., озаглавленной «Им аплодирует мир», «Огонек» опубликовал фотографии советских исполнителей вместе с цитатами из иностранных газет, рекламирующими советских гостей [Им аплодирует мир 1958: 22].

Отчасти эта попытка была направлена на создание нового образа Советского Союза как «европейского» государства при помощи позитивно окрашенного описания истории культуры, общей для Западной Европы и СССР. Это был общий «европеизм», исключавший США: так, сообщалось, что одна из групп советских туристов, посещавших Кипр, была встречена с немалым энтузиазмом, в то время как никто особенно не заинтересовался группой американских туристов, находившихся там в то же самое время [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 202. Л. 10 (1964)].

Однако в конечном итоге цель состояла в том, чтобы победить европейцев на их собственной территории: быть столь же культурными, как граждане «цивилизованного» Запада, при этом защищая и распространяя социализм. По этой причине в отчетах о поездках советские туристы изображались порой более сведущими в европейской культуре и истории, чем сами жители Западной Европы. «До поездки в Англию мы не думали, что знаем лучше английских студентов творчество многих современных английских писателей и художников, кинорежиссеров, многие вопросы современного экономического положения их страны», — писал один из экскурсоводов «Спутника». К своей гордости советская молодежь показала «более широкий кругозор, эрудицию» и более глубокое знание специальных вопросов, касающихся британских писателей и художников, чем английская молодежь [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 197. Л. 31 (1964)]. Когда местный экскурсовод в Шотландии не смог ответить на вопросы советских туристов о шотландской географии, истории, литературе и искусстве, то сами туристы дали объяснения экскурсоводам по поводу исторических памятников и событий. Как сообщалось, в отличие от советских туристов, продемонстрировавших глубокое знание европейской культуры и истории, шотландский экскурсовод активно участвовал только в обсуждении [более приземленных] вопросов, посвященных «свободному миру» [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 94. Л. 4, 6 (1960)].

¹ О развитии еще более субъективной литературы путешествий после Н.С. Хрущева см.: [Balina 1994].

Однако, как мы видели, не все туристы вели себя столь образцовым образом. То, что в поездку отправляли более или менее непроверенных людей и в относительно больших количествах, иногда заставляло руководителей групп сомневаться в том, насколько необходимо давать положительный отчет. Та же проблема возникала, когда туристы встречались с враждебной аудиторией, которая подвергала сомнению советскую репрезентацию «я». Политические власти в эпоху Хрущева побуждали тех, кто заведовал туризмом в Советском Союзе, продвигать советские достижения в любой аудитории, но конфликт, в который вступали социалистические идеалы и реальная практика, означал, что работа руководителя поездки облегчалась в том случае, когда группы встречались с дружелюбно настроенными местными жителями [ГАРФ. Ф. 9612. Оп. 1. Д. 373. Л. 30 (1956)]. Так, в некоторых отчетах налицо предпочтение, которое отдавалось именно такому типу аудитории. Руководитель группы, ездивший в Англию в 1956 г., писал, что одним из самых важных аспектов поездки было установление контактов с «простыми» людьми, однако под простыми людьми в этом случае имелись в виду сотрудники газет “Daily Worker”, а также английские рабочие, связанные с Обществом британо-советской дружбы [ГАРФ. Ф. 9612. Оп. 373. Л. 30 (1956)]. Доктора, адвокаты и профессора, гостеприимно заботившиеся о другой группе туристов в течение всего их пребывания, были связаны с бельгийской Коммунистической партией [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 63–67 (1962)].

В какой-то мере такая направленность оказывалась не только желательной, но и неизбежной. Общества дружбы нередко являлись спонсорами советских туристов и отвечали за организацию их маршрутов и времяпровождение. [Британское] Общество культурных связей с СССР приглашало туристов на приемы на открытом воздухе, организовывало для них посещения британских домов и представляло их британским коллегам [SCR Archive, “SCR General Report”, 1956–1957: 3; Annual General Meeting Report 1967 в “SCR Events 1960s”]. Преимущества работы с обществами дружбы не ограничивались организационными и туристическими аспектами, однако именно местные жители, состоявшие в обществах дружбы и открыто демонстрировавшие свое гостеприимство, в большей степени могли удовлетворить стремления советских людей не только выступать, но и получать аплодисменты.

Спектакли, исполняемые местными жителями

Успешный спектакль зависит от реакции аудитории, поскольку по своей природе зрелище — процесс интерактивный. Как

уже отмечалось, многие встречи с жителями Западной Европы были весьма сердечными и удовлетворяли желание советских людей, чтобы им оказывали радушный прием. В своих мемуарах Гутнова вспоминает людей, которых она встретила в Великобритании, проявлявших «живейший интерес к нашей стране, системе образования в школе и вузах, к быту и искусству <...> они были приветливы, любезны, живо реагировали на все» [Гутнова 2001: 319–320].

Отправляясь осматривать достопримечательности Западной Европы, советские туристы сами становились объектами интенсивного наблюдения. Советских туристов в Шотландии фотографировали другие туристы, которые находили их столь же (если не более) интересными, как шотландские достопримечательности, которые они приехали осматривать [ГАРФ. Ф. 9612. Оп. 1. Д. 478. Л. 47 (1961)]. Опыт группы туристов, посетивших Великобританию в 1956 г. (их лично приветствовал лорд-мэр Глазго), был типичным для первых лет таких поездок. Туристы подарили мэру палехскую шкатулку; он пригласил их на чашку кофе, после чего последовало приглашение понаблюдать за работой муниципального собрания [ГАРФ. Ф. 9612. Оп. 1. Д. 373. Л. 2 (1956)]. То, что советских туристов приветствовал лорд-мэр, — честь, повторявшаяся во многих больших и маленьких городах, которые посещали первые советские туристы, — хорошо демонстрирует, насколько экстраординарными были эти первые посещения для жителей Западной Европы.

Однако советский туризм предоставлял возможность для политического спектакля не только советских гостей, но и европейцев, причем западно-европейские сценарии не всегда напоминали советские. Советский Союз пытался воздействовать на международное мнение и до 1950-х гг., однако его усилия в 1920-х и в начале 1930-х гг., осуществлявшиеся под эгидой Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), первоначально направлялись на конкретных людей — сочувствующих коммунистической партии, рабочий класс и «попутчиков», которые, как предполагалось, были расположены к советскому проекту [David-Fox 2002; 2003a]. Советские попытки, начавшиеся в середине 1950-х гг., на сей раз были нацелены на более широкую аудиторию общественности капиталистических стран, спектр мнений которой был неизбежно более разнообразным.

Руководители групп часто сетовали на то, что сведения европейцев о СССР были «устаревшими». Студенты, изучавшие британское искусство и литературу, слышали об иконописце XV столетия Андрее Рублеве, но не о представителях советской

культуры, таких как Максим Горький, Владимир Маяковский и Михаил Шолохов. Жители Западной Европы, считавшие, что Сибирь — это место ссылки, были удивлены, услышав, что Сибирь — это промышленный, высокоразвитый регион с большими городами и университетами [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 159. Л. 31–32 (1962); Д. 197. Л. 32 (1964)].

Больше неприятностей доставляли антисоветские высказывания и вопросы. Если сценарии советской пропаганды можно было бы написать, то вопросы жителей Западной Европы срежиссировать было невозможно: Как вы объясните советскую реакцию на венгерскую революцию? Каковы сегодняшние отношения СССР с Югославией? Можете ли вы свободно критиковать ваше правительство в прессе? Каковы советские отношения с Китаем? Что необходимо, чтобы вы могли поехать на Запад? Могут ли я с вами переписываться или вас будут за это преследовать? Не хотели бы вы остаться здесь?

Ответы на эти вопросы — как они были зафиксированы руководителями групп — оказывались удивительно искусными. Когда одну из групп, находившуюся во Франции, спросили о культе личности, то, как сообщалось в отчете, последовал ответ: «Умный человек всегда поймет, что разоблачение ошибок прошлого — лучшая гарантия их не повторения в будущем» [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 174. Л. 106 (1964)]. Сложнее было отвечать на частые вопросы об условиях жизни и товарах народного потребления: У вас в Советском Союзе есть масло? Где вы купили этот костюм? Иногда ответы выходили за рамки правдоподобия. Когда был задан вопрос, есть ли у советских личная собственность, один из членов группы ответил, что «очень многие имеют собственные машины, квартиры в кооперативных домах, дачи, садовые участки и т.д.» [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 174. Л. 104 (1964)].

Создается впечатление, что, подобно советским властям, которые иногда посылали 35-летних людей в молодежные поездки, организованные «Спутником», а в качестве сопровождения отправляли руководителей групп и инструкторов КГБ, европейские власти иногда также контролировали происходившие встречи. Руководители групп утверждали, что встречи с обычными местными жителями порой казались постановочными. Вместо того чтобы встретиться с молодыми рабочими, как ожидали участники одной советской группы, они встретили «настоящих джентльменов», одетых в галстуки и куривших трубки [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 56. Л. 19–20 (1960)]. Сорокапятилетние дублеры отвечали на вопросы, на которые не могла дать ответ группа британских студентов, поскольку они показались им слишком трудными, в то время как группа француз-

ских студентов произвела впечатление слишком хорошо подготовленной [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 197. Л. 44 (1964); Д. 57. Л. 99 (1960)].

Советские эмигранты оказывались дополнительным источником конфликта. Они задавали провокационные вопросы об отсутствии свобод в Советском Союзе. Они подходили к туристам на улице, чтобы поговорить с ними и вручить антисоветские материалы. Те, кто работали экскурсоводами, вызывали особую антипатию. Группы, приехавшие в Англию, были предупреждены о местной женщине-экскурсоводе, говорившей на хорошем русском и не очень хорошем английском языке. Она давала туристам журналы на английском языке и другие подарки и пыталась склонить туристов ходить вместе с нею по магазинам [ГАРФ. Ф. 9612. Оп. 373. Л. 29 (1956)]. Некоторые экскурсоводы — эмигранты и другие — обвинялись в еще более сомнительном поведении. Об одной итальянско-русской женщине-экскурсоводе неоднократно сообщалось, что она работает в полиции: факт, обнаружившийся, когда из ее кармана выпало полицейское удостоверение [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 95. Л. 96 (1962)].

В других случаях экскурсоводы не вызывали нареканий, однако подозрительно выглядели водители автобусов. Как сообщалось, водитель британского автобуса «Джек» знал о программе тура больше, чем экскурсовод, и мог ответить на любой вопрос. Согласно данным советского посольства, «Джек» немного знал русский язык, хотя старался этого не показывать, чтобы легче было держать туристов под пристальным наблюдением [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 94. Л. 6 (1960)].

Неудивительно, что руководители групп и другие советские начальники беспокоились по поводу шпионажа. Ведь в конце концов, советские экскурсоводы сообщали властям об иностранных туристах (см., например: [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 225. Л. 45–47 (1957)]. И в самом деле британские экскурсоводы сообщали британским властям о своих подопечных и их поездках, и, по-видимому, другие местные экскурсоводы делали то же самое [Интервью с Гарольдом Шукманом, Оксфорд, июнь 2003 г.].

Наиболее фрустрирующим был, вероятно, иммунитет западно-европейской прессы к советским риторическим стратегиям. Советских туристов часто интервьюировали репортеры газет, радио и телевидения, и в результате, согласно советским отчетам, слишком часто получалась «ерунда». Сенсационные новостные репортажи писали, что русские студенты «удивлены» чудесами Европы [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 94. Л. 10 (1960)]. Руководители групп жаловались, что вопросы об одеж-

де и популярной культуре предназначались для того, чтобы выставить Советский Союз в невыгодном свете по сравнению с Западной Европой [ГАРФ. Ф. 9612. Оп. 1. Д. 373. Л. 32 (1956)]. Неприятные вопросы такого рода объяснялись — и, вероятно, в некоторых случаях справедливо — как намеренно провокационные.

Европейская пресса действительно старалась манипулировать в собственных целях тем, что говорили или делали советские туристы, как в случае одной группы, у которой взяли интервью сотрудники Би-Би-Си. В этом интервью туристы делились положительными эмоциями от своей поездки по Европе, в результате чего интервью можно было бы ретранслировать на Восточную Европу [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 197. Л. 21 (1964)]. Если взять другой похожий, хотя и не европейский пример, то во время поездки Хрущева в Соединенные Штаты в 1959 г. американские чиновники составили конфиденциальный список вопросов, которые должны были задать Хрущеву «репортеры» (USIA stringers): «является ли ваша идея мирного сосуществования совместимой с тем, что СССР глушит американские радиопередачи, ограничивает поездки иностранцев по двум третям вашей страны, препятствует распространению американских изданий среди советских читателей и продолжает запрещать выезд советским гражданам, желающим воссоединиться с родственниками в США?» [NARA. RG 59. BOX 4. File 3.4 “Public affairs aspect of Khrushchev’s trip”].

Выступление на международной сцене

В книге «Исполняя правосудие: Пропагандистские суды в первые годы советской России» Элизабет Вуд описывает, как советские граждане учились «действовать по-большевистски», но не в смысле «сознательного “разыгрывания роли”», а в более сложном отношении — усваивать «ряд поведенческих форм, которые ощущаются как уместные и правильные в данной ситуации» [Wood 2005: 10–11]. Перформативный аспект советской жизни, особенно официальной жизни, воплощенный в авторитетном языке, в эпоху позднего социализма, по мнению Юрчака, только усилился. Участие в ритуализованных актах дискурса и ритуализованных действиях «воспроизводило человека в качестве “нормального” советского человека» [Yurchak 2006: 25].

Что произошло, когда Советский Союз перенес эти спектакли за границу? Как мы видели, перформативный туризм способствовал сохранению как идеологических, так и личных границ между советскими туристами и жителями Западной Европы. Власти пытались апеллировать к опасностям даже ограничен-

ных непосредственных контактов с местным населением, постоянно напоминая путешественникам, что если знакомство с жизнью капиталистической страны поощряется, то, возвратившись домой, туристы должны «еще крепче полюбить свою родину» [Круизное путешествие 1961: 3]. Однако это имело успех только отчасти: туристы охотно использовали новый опыт и новые вещи и иногда (если не всегда) возвращались домой преобразенные этими контактами.

Не менее сложно, хотя и по другим причинам, оценить влияние советского туризма на население и политику Западной Европы. Влияние культурного обмена и личных убеждений на политическое действие и понимание в любой ситуации измерить трудно. Речь прежде всего идет о случаях, когда цель была амбициозной, но одновременно двусмысленной и, возможно, недостижимой: разыграть советское идеологическое превосходство для аудитории, готовой проявить интерес к советским людям, но уверенной в своих силах и превосходстве. В своих частных отчетах, писавшихся для властей на родине, некоторые руководители групп признавали несоответствие между перформативными стратегиями советских туристов — сосредоточенных на политике и неумолимо серьезных — и европейцев. «Французы любят, если говоришь с юмором. Твоя шутка попадает в газету, но все, что будет сказано о форуме, о дружеских связях, о борьбе за мир, о жизни и учебе молодежи, всей этой “пропаганде” в газетных отчетах места нет» [РГАСПИ. Ф. м-5. Оп. 1. Д. 174. Л. 30 (1964)].

Это важное наблюдение. Те разновидности ритуализованных, риторических спектаклей, которые были столь привычными для советских граждан, часто вызывали подозрение у наблюдателей из Западной Европы. Советские граждане, как утверждает Юрчак, понимали, что форма и значение отделены друг от друга, но они не делали из этого вывод о том, что советский проект в целом лишен значения. Они признавали ритуалистический характер воспроизведения авторитетного дискурса, но все еще могли ощущать «близость ко многим значениям, возможностям, ценностям и обещаниям социализма» [Yurchak 2006: 28].

В противоположность этому некоторые наблюдатели из Западной Европы отвергали все это как пропаганду, относясь с подозрением к поведению туристов, которое казалось им слишком явно срежиссированным. Как это ни странно, они, вероятно, были больше тронуты самими встречами — разговором за обедом, радостным видом советских туристов, увлеченных посещением магазинов, — что особенно беспокоило советские власти. Если такие газеты, как “Times”, скептически относи-

лись к речам, произносимым советскими гостями, они с энтузиазмом и необыкновенно подробно описывали проявления обыденного туристического поведения советских путешественников, где впервые проглядывал неуловимый при других обстоятельствах *homo soveticus* [Class Divisions 1956: 6].

Сокращения

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории (Москва)

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)

NARA — National Archives and Records Administration (Washington, DC)

SCR Archive — Archive of the [British] Society for Cultural Relations with the USSR (London)

Библиография

Герман М.Ю. Сложное прошедшее: Passé Composé. СПб.: Искусство-СПб, 2000.

Гутнова Е. Пережитое. М.: Росспэн, 2001.

Им аплодирует мир // Огонек. 1958. № 20. С. 22.

Круизное путешествие вокруг Европы на теплоходе «Эстония». М., 1961.

Квартальнов В.А., Федорченко В.К. Орбиты «Спутника»: Из истории молодежного туризма. Киев: ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1987.

Справочник: Об условиях и маршрутах путешествия советских туристов за границей. М., 1960.

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть: Воспоминания: В 4 т. М.: Московские новости, 1999. Т. 2.

Adler J. Travel as Performed Art // American Journal of Sociology. 1989. Vol. 94. P. 1366–1391.

Balina M. A Prescribed Journey: Russian Travel Literature from the 1960s to the 1990s // Slavic and East European Journal. 1994. Vol. 38. P. 261–270.

Balina M. The Literature of Travel. Unpublished paper. 2003.

Caute D. The Dancer Defects: The Struggle for Cultural Supremacy during the Cold War. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Class Divisions for Russian Tourists // The Times. 1956. 14 July.

Corten I. Vocabulary of Soviet Society and Culture: A Selected Guide to Russian Words, Idioms, and Expressions of the Post-Stalin Era, 1953–1991. Durham: Duke University Press, 1992.

Edensor T. Staging Tourism: tourists as performers // Annals of Tourism Research. 2000. Vol. 27. <www.sciencedirect.com>, doi:10.1016/S0160-7383(99)00082-1 (28 июля 2009 г.).

- Exchange of Tourists: More Soviet Visitors Proposed // *The Times*. 1955. July 13.
- David-Fox M.* From Illusory “Society” to Intellectual “Public”: VOKS, International Travel and Party-Intelligentsia Relations in the Interwar Period // *Contemporary European History*. 2002. Vol. 11. P. 7–32.
- David-Fox M.* Stalinist Westernizer? Aleksandr Arosev’s Literary and Political Depictions of Europe // *Slavic Review*. 2003a. Vol. 62. P. 733–759.
- David-Fox M.* The Fellow Travelers Revisited: The “Cultured West” through Soviet Eyes // *The Journal of Modern History*. 2003b. Vol. 75. P. 300–335.
- Dening G.* The Theatricality of Observing and Being Observed: Eighteenth-century Europe “Discovers” the 19th century “Pacific” // S. Schwartz (ed.) *Implicit Understandings: Observing, Reporting, and Reflecting on the Encounters between Europeans and Other Peoples in the Early Modern Era*. Cambridge, 1994. P. 451–483.
- Desmond J.* *Staging Tourism: Bodies on Display From Waikiki to Sea World*. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
- Dunham V.* In Stalin’s Time: Middle-Class Values in Soviet Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Ghosh A.* Foreword // T. Khair, M. Leer, J. Edwards, H. Ziadeh (eds.) *Other Routes: 1500 Years of African and Asian Travel Writing*. Bloomington: Indiana University Press, 2005. P. ix–xii.
- Gorsuch A.* “There’s No Place like Home”: Soviet Tourism in Late Stalinism // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. P. 760–785.
- Gorsuch A.* Time Travelers: Soviet Tourism to Eastern Europe // A. Gorsuch, D. Koenker (eds.) *Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism*. Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 205–226.
- Gorsuch A.* All this is your World: Soviet Tourism at Home and Abroad after Stalin. Oxford: Oxford University Press, forthcoming.
- Gronow J.* *Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin’s Russia*. Oxford: Berg, 2003.
- Koenker D.* The Proletarian Tourist in the 1930s: Between Mass Excursion and Mass Escape // A. Gorsuch, D. Koenker (eds.) *Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism*. Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 119–140.
- Löfgren O.* *On Holiday: A History of Vacationing*. Berkeley: University of California Press, 2002.
- MacCannell D.* *The Tourist: A New Theory of the Leisure Class*. Berkeley: University of California Press, 1999.
- McReynolds L.* The Prerevolutionary Russian Tourist: Commercialization in the Nineteenth Century // A. Gorsuch, D. Koenker (eds.) *Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism*. Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 17–42.
- Raleigh D.J.* (ed. and trans.) *Russia’s Sputnik Generation: Soviet Baby Boomers Talk about Their Lives*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2006.

- Ricoeur P.* Freud and Philosophy: An Essay on Interpretation. New Haven: Yale University Press, 1970.
- Rotkirch A.* Traveling Maidens and Men with Parallel Lives — Journeys as Private Space During Late Socialism // J. Smith (ed.) Beyond the Limits: The Concept of Space in Russian History and Culture. Helsinki: Studia Historica, 1999. P. 131–150.
- Rydell R.* All the World's a Fair: Visions of Empire at American International Expositions, 1876–1916. Chicago: University of Chicago Press, 1984.
- Salmon S.* Marketing Socialism: Inturist in the Late 1950s and Early 1960s // A. Gorsuch, D. Koenker (eds.) Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism. Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 186–204.
- Smith H.* The Russians. New York: Ballentine Books, 1976.
- Strain E.* Public Places, Private Journeys: Ethnography, Entertainment, and the Tourist Gaze. New Brunswick, 2003.
- Wood E.* Performing Justice: Agitation Trials in Early Soviet Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Vatican Guide Book in Russian: Free Issue to Tourists // The Times. 1957. 24 December.
- Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Пер. с англ. Натальи Мовниной и Дмитрия Калугина